

Памяти о. протоіерея Петра Васильевича Бурова.

Въ ночь на 24 мая тихо скончался протоіерей села Кривинскаго, Курганскаго уѣзда, *Петръ Васильевичъ Буровъ*. Смерть его не была полною неожиданностью ни для близкихъ ему лицъ по плоти, ни для чадъ его духовныхъ, ни для обширнаго круга его знакомыхъ друзей и собратій—духовенства окрестныхъ сельъ. Еще въ концѣ декабря минувшаго 1909-го г., когда, съ благословенія Преосвященнаго Антонія, окружное духовенство 4-го благочинія Курганскаго уѣзда чествовало о. протоіерея Петра Васильевича, какъ своего, бывшаго въ теченіе свыше 34-хъ лѣтъ непосредственнаго начальника—благочиннаго, поднесеніемъ ему наперснаго креста, всѣмъ было видно, какую тяжелую борьбу ведетъ о. протоіерей съ охватившимъ его недугомъ, и какъ эта борьба непосильна ему, уже надломленному и великими пастырскими трудами, и личнымъ горемъ и годами. Впечатлѣніе, которое тогда, при поднесеніи креста—этого дара любви къ о. протоіерею окружного духовенства, производилъ о. протоіерей, выражено очень удачно однимъ изъ участниковъ этого торжества въ слѣдующихъ словахъ: „процессъ чествованія не столько его (о протоіерея) радуетъ, сколько тяготитъ. Въ очахъ его уже не видно

прежней ясности, веселости, остроги. Смотри на васъ, онъ молча какъ бы даетъ понять, что мы печемся и молвимъ о многомъ, но... едино есть на потребу“.

И тѣмъ не менѣе вѣрилось, что онъ еще проживетъ многіе, многіе годы. Не хотѣлось вѣрить въ близость его отшествія, ибо слишкомъ сжились окружающіе его съ мыслию о томъ, что недалеко отъ нихъ, вотъ тутъ, есть человѣкъ, на котораго можно положитья во всякую минуту, минуту жизни трудную, во всякій тягостный моментъ житейской невзгоды, недоразумѣній, скорби и горя — такъ нерѣдко посѣщающихъ людей, и который готовъ придти на помощь своими познаніями, своимъ совѣтомъ, основаннымъ на богатѣйшемъ жизненномъ опытѣ, нравственной поддержкой и матеріальной.

Но... въ этомъ мірѣ все „тѣнь и сонъ“, все обманчиво и призрачно. — Таковы въ особенности надежды людей. О. протоіерея не стало. Намогильный холмъ лишь свидѣтельствуешь, что подъ нимъ сокрытъ богатый умъ, могучая воля, горяче бившееся сердце добраго пастыря.

Пастырство... Какое это милое слово! Какая громадная идея соединена съ этимъ словомъ..., обширная, свѣтлая, обаятельная, даже трогательная! Сколько въ ней поэзіи, красоты несравненной! Пастырство — это подвигъ великій, увлекающій, захватывающій всего человѣка, плѣнительный.

Какъ горячо бьются сердца, избравшія для себя эту идею путеводной звѣздой и впервые отдающіеся ей со всѣмъ пыломъ юношескаго, молодого энтузіазма, несущія все свое существо на служеніе этой идеѣ! Многіе ясно представляютъ весь тотъ великій трудъ, который они возлагаютъ съ принятіемъ званія пастыря на свои плечи, понимаютъ всѣ тѣ громадныя неудобства и несообразности жизненныхъ условій, особенно матеріальныхъ, въ которыхъ должна протекать жизнь пастыря, и которыя могутъ воспрепятствовать осуществленію высокаго пастырскаго идеала. И однако съ молодыми надеждами и вѣрой въ промыселъ Божій, смѣло берутъ на себя этотъ тяжелый крестъ и несутъ его до гробовой доски, съ тѣмъ же пыломъ, тою же вѣрой и надеждой, какъ въ первое время. И чѣмъ яснѣе это сознаніе, тѣмъ выше, тѣмъ цѣннѣе, добровольное принятіе этого креста.

Такимъ сознательно поднявшимъ „благое иго Христово“, принятіемъ на себя великой и тяжелой обязанности „пасти агнецевъ“, „пасти овецъ“ и былъ почившій о. протоіерей.

Богато одаренный отъ природы, заразъ же по окончаніи курса Толбоськой семинаріи, о. Петръ Васильевичъ поступаетъ въ священники въ Кривинскій приходъ, гдѣ до него священствовали отцы и дѣды его, а непосредственнымъ предшественникомъ былъ братъ его. Молодой, полный силъ и энергіи, онъ добросовѣстно относился къ своимъ прямымъ обязанностямъ приходскаго пастыря, — что при обширности тогдашнихъ приходо-довъ отнимало не мало времени и стоило не мало трудовъ.

Нечего распространяться о тѣхъ физическихъ трудахъ, какіе приходится переносить всякому пастырю при исполненіи требъ въ разбросанныхъ на большія пространства приходо-вахъ: они вѣдомы всякому. „Болящій, умирающій, рождающійся въ міръ не разбираютъ времени, не справляются о погодѣ. Иди куда зовутъ“. Понятны и тѣ нравственныя муки, которыя также вѣдомы всякому пастырю, внимательно присматривающемуся ко всѣмъ явленіямъ жизни пасомыхъ, когда такъ часто „наму-чится, переболитъ душа“.

А душа о. протоіерея была необычайно чутка и отзывчива. Какими то невѣдомыми путями и способами онъ находилъ возможность не только близко подойти, но и проникнуть въ самую глубь другого чело-вѣка, уяснялъ себѣ его духовное состояніе, способенъ былъ и дѣйстви-тельно переживалъ это состояніе и находилъ выходъ, — давая совѣтъ. И какой совѣтъ! Бѣдному и темному крестьянскому люду, — который со-ставлялъ его паству, ничего подобнаго и въ голову не приходило. По-слѣ того совѣта становилось все ясно, понятно, доступно, возможно... Духовные запросы прихожанъ, семейныя, служебныя ихъ отношенія, и разныя испытанія, горе, неудачи — все это предлагалось часто, со слезами, компетентному разсмотрѣнію своего пастыря и никто не уходилъ „тощъ“ отъ него. Одного обласкаетъ, другого пристрожить, иному погрозить су-домъ Божиимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обратится къ совѣсти, къ со-знанію чело-вѣческаго достоинства.

Поистинѣ онъ могъ сказать про себя „*быхъ встѣмъ вся, да вся-ко нѣкія пріобрѣщу*“.

При такомъ отношеніи къ дѣлу авторитетъ его ума и опытности выросъ до недостигаемой высоты: никакое болѣе или менѣе важное дѣло прихожанами его не начиналось и не завершалось безъ его благослове-нія, совѣта, указанія. Никакое, сколько нибудь тяжелое испытаніе пасо-мыхъ не ускользало отъ его зоркаго глаза, и пасомые находили въ немъ

сильнаго духомъ, богатаго опытомъ, а главное любвеобильнаго отца, всегда готоваго раздѣлить чужое горе и помочь.

И мудро ли? Сорокъ пять лѣтъ пастырства, истиннаго, попечительнаго пастырства на одномъ мѣстѣ, безъ всякаго соблазна искать лучшаго въ другихъ мѣстахъ, окружили его высокой славой добраго пастыря и снискали ему имя „папаши“. Вѣдь почти каждый изъ пасомыхъ выросъ, созрѣлъ, окрѣпъ и чуть не состарился на его глазахъ, подъ его руководствомъ, за его отвѣтственностью. Онъ воистину могъ „глашать овецъ своихъ по имени, и они слушали гласа его“.

Отмѣчу удивительное его умѣніе въ обращеніи съ дѣтьми, которыхъ вообще онъ очень любилъ, и которыя быстро съ нимъ осваивались, привыкали и платили ему тою же монетой. Какой нибудь маленькій—маленькій мальчикъ, встрѣтивъ его на улицѣ села, подекакивалъ и кричалъ ему: „здравствуйте, батюшка“! А онъ ему отвѣчаетъ привѣтствіемъ, *какъ большому*, вступить съ нимъ въ разговоръ, приласкаетъ, а иногда гостинецъ дастъ. Подобныя сердечныя отношенія даже къ малюткамъ очень характерны. Они полагали основу взаимной любви и довѣренности, которая съ годами росла и крѣпла.

Въ то же время какъ человекъ съ практическимъ складомъ характера, человекъ дѣла, а не громкихъ словъ, онъ ясно понялъ и рѣшилъ для себя, съ первыхъ же шаговъ священства, что паства его нуждается не только въ хлѣбѣ духовномъ, но и насущномъ. Не жалѣя себя, онъ сталъ трудиться, не брезгуя даже физической, мозольной работой, вставая на селѣ всѣхъ раньше и всѣхъ позже ложась. Выдающееся трудолюбіе, примѣрная бережливость и безусловная трезвость помогли ему прочно стать на ноги въ матеріальномъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ открыли возможность широко проявить свою доброту не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Никто изъ обращающихся къ нему за помощью не получалъ въ ней отказа.

И эта широкая отзывчивость на призывъ о помощи, а равно и хлѣбосольство и необычайное радушіе ко всякому, даже заѣзжему человеку, а не только близкому, создали около его имени ореолъ большого довольства, дали поводъ приписывать ему обладаніе крупнымъ достаткомъ, далеко болѣе крупнымъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

Силою условій исторически сложившихся для всей Восточной церкви православнаго духовенства и въ томъ числѣ русскіе сельскіе пастыри обя-

заны жить въ бракѣ, семьями, имѣя жену и дѣтей. И это на всякаго пастыря налагаетъ обязанность особой предусмотрительности, особой заботливости объ участи этихъ, близкихъ всякому отцу семейства, лицъ. Это послужило причиной того, что наряду съ широкой благотворительностью, съ чуткой отзывчивостью на горе и призывъ ближняго, въ почившемъ о. протоіерей уживалась мудрая бережливость и хозяйственная разсудительность. Онъ не придавалъ значенія копѣйкѣ самой по себѣ, былъ чуждъ порока—скупости, но на помощь ближнему не жалѣлъ ея, выдавая значительныя ссуды лицамъ, часто безъ всякой надежды получить ихъ когда либо обратно.— Но не бросалъ онъ своихъ средствъ и на вѣтеръ, зная, что эти средства—воплощеніе труда. А трудъ, извѣданный имъ самимъ на опытѣ, онъ цѣнилъ высоко. Въ своихъ личныхъ потребностяхъ и запросахъ онъ былъ чрезвычайно простъ, непритязателенъ и скромнъ. Никогда онъ не жилъ безъ „запасовъ“, но все это было для „гостей“. „Гость“ въ семействѣ о. протоіерея было слово священное. А такихъ гостей, особенно когда онъ сталъ благочиннымъ, было не мало.

Благочиннымъ же о. протоіерей сталъ съ 1874 г. и пробылъ въ этой должности около 35 лѣтъ. Съ особеннымъ вниманіемъ нужно отмѣтить, что на должность эту почившій о. протоіерей впервые былъ избранъ самимъ окружнымъ духовенствомъ, а затѣмъ и еще былъ избираемъ въ 1879 и 1885 г.г., пока право это, дарованное духовенству высшимъ духовнымъ начальствомъ, не было взято у него обратно, сообразно наступившему тогда духу времени. О. протоіерей сталъ служить послѣ этого по волѣ начальства.

Очевидно и тогда еще, при первомъ избраніи, выдающіяся духовныя дарованія почившаго о. протоіерея были отмѣчены и оцѣнены по достоинству окружнымъ духовенствомъ, которое предоставило ему честь быть своимъ руководителемъ въ пастырскихъ дѣлахъ и посредникомъ предъ епархіальнымъ начальствомъ. Насколько духовенство не ошиблось въ своемъ избранникѣ, объ этомъ ясно засвидѣтельствовано актомъ чествованія двадцатипятилѣтняго юбилея служенія о. протоіерея въ должности благочиннаго, каковое чествованіе было предложено почившему въ 1899 г. 5 апрѣля. Въ многочисленныхъ рѣчахъ представителей всего 3-го благочинія Курганскаго уѣзда, при поднесеніи цѣнной иконы, въ храмѣ и въ домѣ была всесторонне очерчена дѣятельность о. Петра Васильевича, какъ благочиннаго, и выдающіяся стороны его ума и характера, сказавшіяся

въ его отношеніяхъ къ подвѣдомымъ причтамъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этомъ торжествѣ священниковъ такъ характеризовалъ о. протоіерея, какъ начальника: „Ты являлся въ должности благочиннаго, какъ человѣкъ дѣла, а не власти,—труда, а не гордости—заботъ, а не тщеславія. Кромѣ аккуратнаго исполненія благочинническихъ обязанностей, отличался всегда привлекательнымъ характеромъ, всегда былъ тѣмъ, чѣмъ казался, не терпѣлъ никакой лжи, притворства, ничего напускнаго, фальшиваго, но являлся предъ своими подчиненными причтами всегда прямодушнымъ и искреннимъ, ко всѣмъ благорасположеннымъ и любвеобильнымъ, стремясь словомъ и дѣломъ водворить среди насъ должныя взаимныя отношенія, равно какъ и къ возложеннымъ на каждого изъ насъ обязаностямъ. Къ молодымъ ты всегда относился какъ отецъ, къ пожившимъ какъ другъ и братъ... Ты своими наставленіями велъ насъ на путь истины и добра, и вездѣ и всегда стоялъ на высотѣ своего положенія“.

Еще рельефнѣе и шире освѣщена и оцѣнена благочинническая служба почившаго о. протоіерея въ адресѣ, поднесенномъ ему всѣмъ окружнымъ духовенствомъ. Здѣсь говорилось: „При исполненіи своихъ благочинническихъ обязанностей, вы являлись всегда ревностнымъ, усерднымъ и примѣрнымъ по службѣ и поведенію: виновныхъ въ большинствѣ случаевъ смиряли духомъ кротости, строитивыхъ смиряли добротою и ласковымъ отеческимъ обращеніемъ; проѣзжая по ревизіи приходы, вы являлись для насъ не какъ начальникъ, а какъ заботливый отецъ, принимая къ сердцу нужды и потребности всѣхъ священно-церковно-служителей и ихъ прихожанъ. Въ важныхъ случаяхъ вы никого не оставляли безъ слова назиданія, утѣшенія и вразумленія и такое обращеніе съ подчиненными, соединенное съ простотою и мудрымъ совѣтомъ, привлекло въ вамъ наши сердца.

Во имя нравственнаго долга вы не ограничивались однимъ только аккуратнымъ исполненіемъ своихъ благочинническихъ обязанностей, но всѣ ваши дѣйствія, слова и поступки отличались христіанскою любовію ко всѣмъ подчиненнымъ вамъ лицамъ, и эта любовь проявлялась въ сердечномъ и участливомъ отношеніи вашемъ къ положенію и дѣламъ духовенства, въ готовности войти въ ихъ интересы, радоваться ихъ радостями, скорбѣть ихъ печалями, подавать имъ благотворительную помощь, какъ словомъ, такъ и дѣломъ. Если же лично для кого нибудь вы могли быть строгими, то это чувство вытекало у васъ изъ сознанія всей отвѣтствен-

ности высокаго пастырскаго служенія, ради котораго вы убѣждали пастырей учить пасомыхъ слову Божію, дѣтей же пасомыхъ внушали посылать въ школы, особенно церковно-приходскія, гдѣ изученіе слова Божія поставлено на первый планъ...

Подавая собой образецъ въ житіи, вы въ продолженіи 25-ти лѣтняго періода въ должности благочиннаго являлись вѣрнымъ своему званію, подавали примѣръ намъ истинно-христіанской жизни и своимъ поведеніемъ увлекали насъ на путь благочестія и чистоты "... Въ чествованіи, которое было предложено тогда почившему, поражаетъ прежде всего полное единодушіе всѣхъ причтовъ, такъ горячо откликнувшихся на призывъ къ благодарности за понесенные о. протоіереемъ труды на пользу ввѣренныхъ ему церквей и ихъ духовенства.

Такая солидарность конечно не случайная. Благочинный, какъ должностное лицо, въ жизни церквей приходскаго духовенства величина очень крупная, полномочія его весьма значительны. Они охватываютъ, можно сказать, всѣ стороны жизни приходскихъ церквей и духовенства. Что только не отдано подъ надзоръ благочиннаго? И дѣятельность чисто пастырская; совершеніе службъ и таинствъ Божіихъ, учительство въ храмѣ и внѣ его; управленіе приходское—веденіе церковнаго хозяйства, церковнаго письмоводства, отношенія между членами причта и ихъ прихожанами. Ему-же подчинена жизнь причтовъ личная и семейная съ правомъ дѣлать отмѣтки о поведеніи каждаго отдѣльнаго члена семьи *). Благочинный же преимущественно-слѣдователемъ **) являлся по проступкамъ по должности и неблагоповеденію членовъ причта. Ему поручалось дѣлать негласныя дознанія, имѣть надзоръ за духовными лицами, ненадежными въ какомъ либо отношеніи, по мнѣнію епархіальнаго начальства. Наконецъ, онъ посылаетъ ежегодные полугодичные рапорты своему епархіальному архіерею, въ которыхъ можетъ докладывать все, что ему вздумается, и представлять дѣло въ какомъ ему заблагоразсудится свѣтѣ... Правда, своей властью онъ не можетъ налагать наказаній на причты, за исключеніемъ незначительныхъ штрафовъ и эпитимій на низшихъ членовъ причта. Но правовое положеніе его, какъ органа епархіальной власти на мѣстахъ, открываетъ широчайшій просторъ для всякаго рода злоупотребленій своими полномочіями. Что же мы видимъ въ жизни почившаго

*) Теперь эта функція власти перенесена на благочинническій совѣтъ, избираемый самими духовенствомъ.

**) Теперь эту должность несутъ особые «слѣдователи—священники».

о. благочиннаго протоіерея Петра Васильевича? Духовенство единодушно свидѣтельствуеть, что онъ пользовался этой властью, своими полномочіями исключительно на благо и пользу ввѣреннаго ему духовенства и его прихожанъ не какъ начальникъ, а какъ любвеобильный отецъ, „папаша“ для своихъ прихожанъ, о. протоіерей былъ отцомъ и для членовъ ввѣренныхъ его надзору причтовъ. И сколько надо было имѣть ума, терпѣнія и такта, чтобы быть „всегда и вездѣ на высотѣ своего положенія, каковымъ былъ онъ. По признанію самого о. протоіерея, выраженному въ отвѣтной рѣчи на упомянутый выше адресъ, „не одна черная тучка пронеслась надъ головой, не разъ доводилось скорбѣть ему и мучиться за свои недоумѣнія, а иногда и за неисправность друзей своихъ (окружного духовенства“).

Приходилось, слѣдовательно, иногда поступаться своими интересами, благами и выгодами, чтобы сохранить свое положеніе, какъ это бываетъ вынужденъ дѣлать и отецъ семейства въ интересахъ своихъ семейныхъ. И сколько за время своего благочинія имъ спасено и возстановлено пошатнувшихся репутацій. Сколько жизней и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ семействъ, готовыхъ отступить отъ надлежащаго порядка, распасться, погибнуть, вновь призваны къ этому порядку, устроены и укрѣплены на добромъ пути, и добрый плодъ приносили и приносятъ. Сколько лицъ духовныхъ, выбивающихся изъ жизненной колеи, подъ вліяніемъ различныхъ неблагопріятныхъ условій, могли потеряться для жизни и остались цѣлы мудростью и благовременною помощію о. протоіерея.

Могучимъ средствомъ вліянія почившаго о. протоіерея на духовенство было его довѣріе къ нравственнымъ силамъ ихъ, къ ихъ человѣческому достоинству, къ ихъ высокому званію—свѣточей человѣчества. Онъ смѣло ударялъ по самымъ возвышеннымъ струнамъ человѣка и цѣль почти всегда достигалась. Онъ вѣрилъ въ наличность этихъ струнъ у духовенства, вѣрилъ въ его благородство и къ нему обращалъ свое слово. Это великая заслуга его, ибо тутъ-то, хотя рѣдко, но приходилось расплачиваться и самому. Это не было укрывательство пороковъ и слабостей, это не было тѣмъ болѣе потворство, а лишь мудрая, воистину отеческая, любвеобильная снисходительность и терпѣніе, не хотѣніе „да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ“. Эта вѣра въ нравственную мощь человѣка, вѣра, доходящая до самопожертвованія, творила чудеса и служила величайшимъ источникомъ счастья и радостей почив-

шаго, давала ему полное удовлетвореніе. „Выводить въ люди“, „направлять на путь“ сдѣлалось его потребностью.

Воздѣйствіе на подчиненныхъ одними штрафами, угрозами и т. п. свидѣтельствуется лишь о взглядѣ на подчиненныхъ, какъ на среду грубую, косную, неинтеллигентную, чуждую высокихъ порывовъ, въ большинствѣ безрезультатно или даже вредно и говоритъ лишь о низкомъ уровнѣ психики самого воздѣйствующаго. Такіе способы воздѣйствія были не въ характерѣ почившаго и имъ совсѣмъ не практиковались.

Обладая широчайшими полномочіями по надзору за пастырской жизнью и дѣятельностью почившій о. протоіерей ясно понималъ, что дѣло пастырское — дѣло живое, не укладывающееся въ узкія строго очерченныя рамки разными распоряженіями, предписаніями, циркулярами. Онъ былъ чуждъ сухого педантизма и строгаго формализма, на которыя въ жизни вообще нерѣдко приходится наталкиваться, и которыя такъ часто давятъ „душу живу“, замораживаютъ, заглушаютъ, уничтожаютъ „животворящій духъ“, нуждающійся въ свободѣ и просторѣ.

Девизъ его дѣятельности въ этомъ отношеніи можно охарактеризовать русской пословицей: „не всякое лыко въ строку“. У него не было той мелкой искательности, придирчивости, даже иногда свойственной людямъ облеченнымъ властью. И за всѣмъ тѣмъ широта взглядовъ на пастырское дѣланіе, побуждавшая его привѣтствовать всякое благое начинаніе, хотя бы нигдѣ и никѣмъ незарегистрованное.

Укажу еще выдающуюся черту его характера въ его отношеніяхъ къ сослуживцамъ и подчиненнымъ — это его миролюбіе, даже болѣе — миротворчество. Чуждый всякой мелочности, онъ естественно прощалъ многое, къ чему другой могъ бы привязаться, чтобы затѣять ссору, выростить взаимную вражду. Даже къ крупнымъ обидамъ онъ былъ терпѣливъ, но причинившій ихъ самъ признавалъ свою вину и охотно просилъ извиненія, которое и получалъ, и которое всецѣло изглаживало причиненную обиду. Когда къ нему, какъ благочинному обращались члены причтовъ съ жалобами другъ на друга, что бываетъ нерѣдко, особенно въ приходяхъ многочисленныхъ, онъ всегда терпѣливо выслушивалъ жалобу, взвѣшивалъ ее, выслушивалъ и противную сторону и употреблялъ всю силу своего опыта на то, чтобы потушить зарождающійся пожаръ вражды въ началѣ. И лишь испробовавъ всѣ мѣры къ примиренію враждующихъ, съ сокрушеніемъ сердца давалъ дѣлу законный ходъ. Вообще же

такихъ дѣлъ въ его благочиніи водилось очень немного, авторитетъ его въ рѣшеніи домашнихъ ссоръ за рѣдкими исключеніями былъ безспоренъ.

Такая плодотворная дѣятельность о. протоіерея продолжалась свыше 34-хъ лѣтъ. Удрученный трудомъ и болѣзнію, онъ оставилъ должность благочиннаго всего лишь за два года до смерти, и благодарное духовенство почтило его при эгомъ поднесеніемъ наперснаго креста, украшеннаго дорогими камнями.

Такимъ образомъ жизнь покойнаго о. протоіерея Петра Васильевича и какъ приходскаго пастыря, и какъ благочиннаго, и какъ частнаго человѣка, представляетъ намъ образецъ непрерывнаго труда, любви и терпѣнія. Это была жизнь воистину полная и плодотворная, направленная на служеніе ближнему, на благо окружающей средѣ. И эта жизнь остановилась.

За время своей болѣзни не разъ напутствуемый таинствами исповѣди и св. причащенія, воспользовавшійся и таинствомъ елеосвященія, о. протоіерей въ ночь на 24 мая, въ кругу своей семьи, тихо оставилъ нашу брнную землю, переселившись въ міръ иной. Но и оттуда онъ зоветъ ко всѣмъ намъ церковною пѣснью: «Спасайся суетный животе, спасайтесь вси друзи, сродницы же и чада: въ путь бо иду, имже никогдаже шествовахъ, но приидите помянувшѣ мою къ вамъ любовь, посѣтуйте, и гробу предадите брненіе мое сіе: имущаго судити смиренную мою душу, со слезами Христа молитѣ, яко да огня изметъ мя неугасимаго» (изъ чина погр. сѣвщ.).